

Николай Алексеевич Некрасов

(1821-1877)

Час молитвы

Когда взойдёт денница золотая
На небосвод
И, красотой торжественно сияя,
Мрак разнесёт.
Когда звонят, к молитве созывая,
И в храм идут,
И в нём стоят, моление совершая,
И гимн поют;
Тогда и я, с душою умиленной,
Меж всех стою
И Богу гимн, коленопреклонённый,
Тогда пою.
Когда царь дня, в волнах купаясь чистых,
Течёт к концу
И запоёт хор птичек голосистых
Хвалу Творцу;
И я пою, и я Ему молюся,
И в час мольбы
Спокоен я душой и не боюсь
Угроз судьбы.
Мольба всегда усладу мне приносит
Мой дух свежа,
Но никогда молитвы так не просит
Моя душа,
Как в грозный час кипучей непогоды;
Слова мои
Тогда солью я с голосом природы
И чужд земли,
Пошлю Творцу усердную молитву,
И - внемля ей,
Он усмирит враждующую битву
Моих страстей...

Тишина

Все рожь кругом, как степь живая,
Ни замков, ни морей, ни гор...
Спасибо, сторона родная,
За твой врачующий простор!
За дальним Средиземным морем,
Под небом ярче твоего,
Искал я примиренья с горем
И не нашел я ничего!

Я там не свой: хандрю, немею,
Не одолев мою судьбу,
Я там погнулся перед нею,
Но ты дохнула - и сумею,
Быть может, выдержать борьбу!
Я твой. Пусть ропот укоризны
За мною по пятам бежал,
Не небесам чужой отчизны -
Я песни родине слагал!
И ныне жадно поверяю
Мечту любимую мою,
И в умиление посылаю
Всему привет... Я узнаю
Суровость рек, всегда готовых
С грозой выдержать войну,
И ровный шум лесов сосновых,
И деревенок тишину,
И нив широкие размеры...
Храм Божий на горе мелькнул
И детски чистым чувством веры
Внезапно на душу пахнул.
Нет отрицанья, нет сомненья,
И шепчет голос неземной:
Лови минуту умиления,
Войди с открытой головой!
Как ни тепло чужое море,
Как ни красна чужая даль,
Не ей поправить наше горе,
Размыкать русскую печаль!
Храм воздыханья, храм печали -
Убогий храм земли твоей:
Тяжеле стонов не слышали
Ни римский Петр, ни Колизей!
Сюда народ, тобой любимый,
Своей тоски неодолимой
Святое бремя приносил -
И облегченный уходил!
Войди! Христос наложит руки
И снимет волею святой
С души оковы, с сердца муки
И язвы с совести больной...

Я внял... я детски умилился...
И долго я рыдал и бился
О плиты старые челом,
Чтобы простил, чтоб заступился,
Чтоб осенил меня крестом
Бог угнетенных, Бог скорбящих,
Бог поколений, предстоящих
Пред этим скудным алтарем!..

Смерти

Не приходи в часы волнений,
Сердечных бурь и мятежей,
Когда душа огнём мучений
Сгорает в пламени страстей.

Не приходи в часы раздумья,
Когда наводит демон зла,
Вливая в сердце яд безумья,
На нечестивые дела;

Когда внушеньям духа злого,
Как низкий раб, послушен ум,
И ничего в нём нет святого,
И много, много грешных дум.

Закон озлобленного рока,
Смерть, надо мной останови
И в чёрном рубище порока
Меня на небо не зови!

Не приходи тогда накинуть
Оков тяжёлых на меня:
Мне будет жалко мир покинуть,
И робко небо встречу я...

Приди ко мне в часы забвенья
И о страстях и о земле,
Когда святое вдохновенье
Горит в груди и на челе;

Когда я, дум высоких полный,
Безгрешен сердцем и душой,
И бурной суетности волны
Меня от жизни неземной
Увлекь не в силах за собой;

Когда я мыслью улетаю
В обитель к горнему Царю,
Когда пою, когда мечтаю,
Когда молитву говорю.

Я близок к небу - смерти время!
Нетруден будет переход;
Душа, покинув жизни бремя,
Без страха в небо перейдёт...

2 ноября 1838

Жизнь

Прекрасно, высоко твоё предназначенье,
Святой завет Того, Которого веленье,
Премудро учредя порядок естества,
Из праха создало живые существа;
Но низко и смешно меж нас употребленье,
И недостойны мы подобья Божества.
Чем отмечаем, жизнь, мы все твои мгновенья -
Широкие листы великой книги дел?
Они черны, как демон преступления,
Стыдишься ты сама бездушных наших тел.
Из тихой вечери молитв и вдохновений
Разгульной оргией мы сделали тебя,
И гибельно парит над нами злобы гений,
Ещё в зародыше всё доброе губя.
Себялюбивое, корыстное волненье
Обуревают нас, блаженства ищем мы,
А к пропасти ведёт порок и заблужденье
Святою верою нетвёрдые умы.
Поклонники греха, мы не рабы Христовы;
Нам тяжек крест скорбей, даруемых судьбой,
Мы не умеем жить, мы сами на оковы
Меняем все дары свободы золотой...

Раскрыла ты для нас все таинства искусства,
Мы можем создавать, творцами можем быть;
Довольно налила ты в груди наши чувства,
Чтоб делать доброе, трудиться и любить.
Но чуждо нас добро, искусства нам не новы,
Не сделав ничего, спешим мы отдохнуть;
Мы любим лишь себя, нам дружество - оковы,
И только для страстей открыта наша грудь.
И что же, что они безумным нам приносят?
Презрительно смеясь над слабостью земной,
Священного огня нам искру в сердце бросят
И сами же зальют его нечистотой.
За наслажденьями, по их дороге смрадной,
Слепые, мы идём и ловим только тень,
Терзают нашу грудь, как коршун кровожадный,
Губительный порок, бездейственная лень...
И после буйного минутного безумья,
И чистый жар души и совесть погубя,
Мы, с тайным холодом неверья и раздумья,
Проклятью предаём неистово тебя.

О, сколько на тебя проклятий этих пало!
Чем недовольны мы, за что они? Бог весть!..
Ещё за них нас небо не карало:
Оно достойную приготовляет месть!

Ангел смерти

Придёт пора преображенья,
Конец житейского пути,
Предсмертной муки приближенье
Заслышу в ноющей груди,
И снидет ангел к изголовью,
Крестом трикраты осень,
С неизъяснимою любовью
И грустью взглянет на меня;
Опустит очи и чуть внятно,
Тоскливо скажет: «Решено!
Под солнцем жизнь не беззакатна,
Чрез час ты - мира не звено.
Молись!» - и буду я молиться,
И горько плакать буду я,
И сам со мною прослезится
Он, состраданья не тая.
Меня учить он будет звукам
Доступных Господу молитв,
И сердце, преданное мукам,
В груди их глухо повторит.
Назначит смертную минуту
Он, грустно голову склоня,
И робко спрашивать я буду:
«Господь простит ли там меня?»
Вдруг хлад по жилам заструится,
Он скажет шёпотом: сейчас!
Святое таинство свершится,
Воскликнут ближние: угас!
Вдруг... он с мольбой закроет очи,
Слезой зажжёт пустую грудь
И в вечный свет иль к вечной ночи
Душе укажет тайный путь...

1839

Истинная мудрость

Не всё постигнул ум надменный,
Не всё светло для мудреца,
Есть много таин во вселенной,
Ключи которых у Творца.
От жажды знания плод не сладок.
О, не кичись, средь гордых дум,
Толпой бессмысленных догадок,
Мудрец! - пред Богом прах твой ум;
Твои открытия случайны.
Тебе поверил ли эфир
Свои божественные тайны,
Свою судьбу сказал ли мир?

Дала ли жизнь тебе способность
Постичь хоть самого себя,
Ясна ль очам твоим загробность,
Дно моря светло ль для тебя?
Понятны ль дивные явления
В природе неба и земли,
Пути планет, миров движенья,
Буря, что топит корабли,
Утроба гор, что родит золото
Иль мечет пламень и пожар?
Всезнания жаждою богатый,
Ты угадал ли тайну чар,
Во сне тебе дающих крылья?
В себе ты понял ли, скажи,
Боренье силы и бессилья,
Ничтожность тела, мощь души?
А своенравная судьбина,
С которой бедственна борьба,
Что

.....
Играет гением и шутком,
Смиряет битвы, рушит мир,
В невежде, гордостью надутом,
Земным умам даёт кумир;
Не внемлет воплей, просьб и плача,
Когда сурова и гневна,
Которой нет щедрей, богаче,
Когда раздобрится она, -
Покровы тайны, хоть украдкой,
С неё ты сорвал ли, мудрец?
Не верим мы твоим догадкам:
Ты жалкий скептик, ты не жрец.
Земным умом измерить Бога,
Постигнуть тайны бытия, -
Нет, это дерзко, это много,
Нет, это доля не твоя!
Благоговеть пред мистицизмом
И был и есть удел людей,
На что ж преступным скептицизмом
Мрачишь ты блеск души своей?
Зачем запретные познания
Тебе, рабу земных оков?
Иль то для славы, для названья
..... гения веков?
Отринь губящий дух гордыни,
Не льстись надеждой ни на миг,
Что глас твой будет не в пустыне,
Когда ты скажешь: всё постиг!
Страшись снискать людей презренье,
Небесной кары не накличь;
Нет славы в дерзком покушеньи
Непостижимое постичь!

Не стыд - сознание бессилья
Пред тем, что выше сил души.
Оставь же тщетные усилья;
Не жди, не мучься, не греши!
С мольбой возьмись за труд по силе,
Путь к знаньям верой освети
И с этим факелом к могиле -
Всего отгадчице - гряди.
Мужайся там, где слёз пучина,
Люби добро, как мать птенца,
И разлюби родного сына
За отступленье от Творца;
Будь бед своих сторонний зритель,
Чужих - чувствительный отец;
Всего великого ревнитель,
Всего ничтожного беглец;
Тип в совершенстве человека
В себе одном осуществи,
Собою тварь, на диво века,
Творца достойную, яви.
Вот в этом мудрость, в этом слава,
Твой долг, твой подвиг на земле!
Таким, не мудрствуя лукаво,
Явись, с смиреньем на челе.
И вознесёшься ты высоко,
Блестая славою прямой, -
Как это огненное око,
Что смотрит днём на мир земной.

1839

Моя судьба

Мне плакать хочется, а плакать в мире стыдно,
Увидят люди - осмеют
И с едкой клеветой, с улыбкою обидной
Притворством слёзы назовут.
О, горько жить, о, трудно пережить измену
Того, чем сладко было жить!..
Из чаши радостей я пил одну лишь пену,
Она мешала нектар пить...
Так прочь, прочь, чаша всех надежд и упований!
Не принесла мне счастья ты;
Меня сгубила ты; ты в чары ожиданий
Втравила тщетные мечты...
Я небу покорюсь... возьму другую чашу,
С ней съединю судьбу свою;
Не суетных надежд венком её украшу -
Могильным плющем обовью.

И если слёзы даст, по милости великой,
Бог, в утешение моё,
Презря и суд глупца и хохот черни дикой,
Наполню ими я её.
И в день, когда совсем преполненная чаша
Ни капли боле не вместит,
Скажу «прощай» мятежной жизни нашей,
И дух мой в небо воспарит.
Там стану с ней, чужд чёрной ризы праха,
Все раны сердца обнажу
И у Царя судеб, как должного, без страха,
За них награды попрошу.

1839

Сомнение

Ты начал жить. Роскошен жизни пир.
На этот пир ты позван для блаженства.
Велик, хорош, изящен Божий мир,
Обилен всем и полон совершенства.
Лазурь небес, безбрежный океан,
Дремучий бор, так пышно разодетый,
Седой зимы сердитый ураган,
И тишина торжественная лета,
И говор вод, и пенье соловья,
И над землёй витающая птица,
И по волнам скользящая ладья,
И в небесах горящая денница,
И темнота безмесячных ночей,
Приют тоски, мечтаний и любви -
Картины чудные для сердца и очей.
Ты всем пленён, и пламя юной крови
В тебе зажгло высокие мечты,
Ты вспыхнул весь огнём полунебесным
И, вдохновлен картиной красоты,
Постиг Творца в творении чудесном.
Как праха сын, восторженным челом
Ты перед Ним во прах повергся долу
И, до души проникнут Божеством,
Послал мольбы к Всевышнего престолу.
Он, внемля им, благословил тебя.
Сопутствуем надеждою весёлой,
Иди, иди, надежду полюбя,
Ты с ней свершишь без горя путь тяжёлый.
Но берегись! приюта не давай
В душе своей мятежному сомнению,
Беги его и сердца не вверяй
Его всегда недоброму внушенью...
С ним страшно жить, беседовать грешно,
И если раз его к груди пригреешь -

С тобой навек останется оно,
Ты в нём навек врага себе имеешь...
Порыв души в избытке бурных сил,
Святой восторг при взгляде на творенье,
Размах мечты в полёте вольных крыл,
И юных дум кипучее паренье,
И юных чувств неомрачённый пыл -
Всё осквернит нечистое сомнение
И окуёт грудь холодом могил.
Везде увидишь ты расставленные сети,
Тебя смутят тревожные мечты,
И даже там, где смело ходят дети,
Остановясь, задумаешься ты.
Ни красоты природы, ни искусства -
Ничто души убитой не займёт,
Тлетворный яд губительного чувства
Другие все из сердца изженёт.
Полюбишь ты: сомненья призрак бледный,
Как адский дух, предстанет пред тобой,
Внушит совет и пагубный и вредный
И грудь зальёт ревнивою тоской.
В ней закипит и бешено и страстно,
Как ураган, бунтующая кровь,
Но, мучимый сомнением всечасно,
Ты проклянешь безумную любовь.
Ревнивых чувств изгладишь впечатленье -
На сердце вновь и хлад и пустота,
Вотще искать ты будешь утешенья,
Нет, для него грудь будет заперта.
Участье дружества, последняя отрада -
И от неё сомнение отвлечёт;
Оно тебе врагом покажет брата
И друга доброго злодеем назовёт.
Мир для тебя в пустыню обратится,
Его бежать, чуждаться станешь ты;
В груди навек сомнение приютится
И поселит в ней мрачные мечты.
Ты не отвергнешь их, привыкший сомневаться,
И скоро грешные мышления тайком
К тебе начнут глубоко прививаться
И созревать на сердце молодом.
И вот плоды несчастных размышлений,
С сомнением томительных бесед:
Ты, раб его неправедных внушений,
Им омрачишь отрадной веры свет.
Тогда, тогда - печатью отверженья
Зажжёт чело отступника позор,
И торжество коварного сомненья
Тебе прочтёт последний приговор...

Страшный год

(1870)

Страшный год! Газетное витийство
И резня, проклятая резня!
Впечатленья крови и убийства,
Вы вконец измучили меня!

О любовь! - где все твои усилья?
Разум! - где плоды твоих трудов?
Жадный пир злодейства и насилья,
Торжество картечи и штыков!

Этот год готовит и для внуков
Семена раздора и войны.
В мире нет святых и кротких звуков,
Нет любви, свободы, тишины!

Где вражда, где трусость роковая,
Мстящая - купаются в крови,
Стон стоит над миром не смолкая;
Только ты, поэзия святая,
Ты молчишь, дочь счастья и любви!

Голос твой, увы, бессилен ныне!
Сгибнет он, не нужный никому,
Как цветок, потерянный в пустыне,
Как звезда, упавшая во тьму.

Прочь, о, прочь! сомненья роковые,
Как прийти могли вы на уста?
Верю, есть ещё сердца живые,
Для кого поэзия свята.

Но гремел, когда они родились,
Тот же гром, ручьями кровь лила;
Эти души кроткие смутились
И, как птицы в бурю, притаились
В ожиданье света и тепла.

1872 - 1874

Пророк

Не говори: «Забыл он осторожность!
Он будет сам судьбы своей виной!..»
Не хуже нас он видит невозможность
Служить добру, не жертвуя собой.

Но любит он возвышенной и шире,
В его душе нет помыслов мирских.
«Жить для себя возможно только в мире,
Но умереть возможно для других!»

Так мыслит он-и смерть ему любезна.
Не скажет он, что жизнь его нужна,
Не скажет он, что гибель бесполезна:
Его судьба давно ему ясна...

Его ещё покамест не распяли,
Но час придёт - он будет на кресте;
Его послал Бог гнева и печали
Рабам земли напомнить о Христе.

1874

Сеятелям

Сеятель знанья на ниву народную!
Почву ты, что ли, находишь бесплодную,
Худы ль твои семена?
Робок ли сердцем ты? слаб ли ты силами?
Труд награждается всходами хилыми,
Доброго мало зерна!
Где ж вы, умелые, с бодрыми лицами,
Где же вы, с полными жита кошницами?
Труд засевающих робко, крупницами,
Двиньте вперед!
Сейте разумное, доброе, вечное,
Сейте! Спасибо вам скажет сердечное
Русский народ...

1876

Молебен

Холодно, голодно в нашем селении.
Утро печальное - сырость, туман,
Колокол глухо гудит в отдалении,
В церковь зовёт прихожан.
Что-то суровое, строгое, властное
Слышится в звоне глухом,
В церкви провёл я то утро ненастное
И не забуду о нём.
Всё население, старо и молодо,
С плачем поклоны кладёт,
О прекращении лютого голода
Молится жарко народ.

Редко я в нём настроение строже
И сокрушенной видал!
«Милуй народ и друзей его, Боже! -
Сам я невольно шептал. -
Внемли моление наше сердечное
О послуживших ему...
Об осуждённых в изгнание вечное,
О заточённых в тюрьму,
О претерпевших борьбу многолетнюю
И устоявших в борьбе,
Слышавших рабскую песню последнюю,
Молимся, Боже, Тебе».

1876

Колизей

Поросшие мхом, окаймленные плющом,
Развалины древнего зданья стоят,
Ничем не напомнят они о живущем,
О смерти на каждом шагу говорят.
Невольно сурово глядишь на руину
И думою сходствуешь с нею вполне.
Упавший обломок там вырыл стремнину,
Там сиротко колонна приткнулась к стене,
Изрезало время морщинами темя,
А ветер-нахал их насквозь просверлил,
Карниз обвалился, как лишнее бремя,
Широкие двери буран растворил.
Изящные части загадочной грудой
Являются в целом смущенным очам,
Разрушено всё вековою причудой!
Но - слава искусству и древним умам! -
Еще нам напомнить и каждый обломок
Способен об их исполинском труде,
И днес устыдится правдивый потомок
Дерзнуть посмеяться его наготу.
Глаза не окинут огромной руины,
И в час не обскачет пугливый олень;
Во всем, как остаток великой картины,
Былого величья хранит она тень.
Угрюмое зданье! века пробежали,
Пока к разрушенью ты сделало шаг;
Ты крупная буква на темной скрижали
Прошедших столетий; ты им саркофаг.
Твой жребий чудесный невольно мечтами
Зажег вдохновенную душу мою;
Поведай мне, как ты боролась с веками,
Поведай прошедшую участь свою.
- Великим умом я задумано было,
И думу глубокую множество рук
В существование тяжким трудом обратило,

В красе величавой восстало я вдруг.
Взглянуть на меня собирались отсюда,
Мой вид был прекрасен, торжествен и нов,
Дивился весь мир рукотворному чуду.
В середине седьми величавых холмов
Я грозной и прочной стояло твердыней,
И Рим, мне бессмертную участь суля,
Меня, ослепленный мятежной гордыней,
Мерилом назвал своего бытия:
"Покуда ты живо, и я не исчезну,-
Мечтал он, - тогда лишь, как миру конец,
Мы вместе провалимся в хаоса бездну".
Торжественной славой горел мой венец...
Наказан за гордость надменный мечтатель,
Мне многим досталось его пережить;
Хоть время, и люди, и жребий-каратель
С тех пор сговорились меня погубить.
Судьба к разрушенью мне путь указала:
Сперва как старик к нему тихо я шло,
Потом словно юноша быстро бежало,
А было уж старо и седо чело.
Что день, то я новые знало потери:
Все люди считали меня за свое
И рвали в куски, как голодные звери,
Невежды, изящное тело мое.
И вот от всего, что пленяло, дивило,
Безмерно гордился чем целый народ,
Осталась былого величья могила,
Теперь я скелет, безобразный урод.
Любуйся чудовищем с грустью мятежной,
Смотри и грусти обо мне надо мной,
Обдумай судьбу мою думой прилежной:
Невольно блеснут твои очи слезой.
Печален мой жребий, ужасен упадок!..
Но нет, не жалея меня, юный певец,
Удел настоящий мой темен, но сладок,
Тягчил меня славы прошедшей венец.
Ужасных картин я свидетелем было.
В день первый изменчивой жизни моей
Кровавое зрелище взор мой смутило:
В стенах моих звери терзали людей.
В годину гоненья на чад христианства
Неистово злоба в них рыскала вновь,
Страдало добро, ликовало тиранство,
Реками лилась христианская кровь.
А я содрогалось от хохота черни,
На мне отражался народный позор.
О, лучше б забвенья миллионами терний
Тогда ж закидало скорбящий мой взор!
Жалеть ли прошедшего с гибельной славой?!
Нет, странник, забыть я стараюсь его.
Взгляни: надо мною теперь величаво

Крест высится, веры святой торжество.
Там льется молитва, где страшная миру
Носилась речь злобы, как дикий буран;
Там амбра курений восходит к эфиру,
Где прежде дымилась кровь христиан.
О, я благодарна премудрому Богу!
Пусть сорван покров красоты с моих чресл,
Пускай, указуя к паденью дорогу,
Меня изуродовал времени жезл -
Зато мои темные дни не тревожны,
Давно не обрызгано кровью стою...
Нет, нет, ко мне милостив рок непреложный,
Он чужд укорины за участь мою...
Чу! звон колокольный! иди на средину
Развалин печальных, к Предвечному в Храм,
И спой там не жалобный гимн на судьбину,-
Мой гимн благодарственный спой Небесам...

1839

Отрывок

...Я сбросила мертвящие оковы
Друзей, семьи, родного очага,
Ушла туда, где чтут пути Христовы,
Где стерегут оплошного врага.

В бездействии застала я дружины;
Окончив день, беспечно шли ко сну
И женщины, и дети, и мужчины,
Лишь меж собой вожди вели войну...

Слова... слова... красивые рассказы
О подвигах... но где же их дела?
Иль нет людей, идущих дальше фразы?
А я сюда всю душу принесла!..

1877

Злой дух

Дух нечистый, дух порочный,
Как прокрался ты ко мне?
Для чего ты в час полночный
Здесь, со мной наедине?
Нет в очах твоих привета,
Как на давнем мертвеце,
Лед бесстрастья на лице,
Злобной радостью одетом,-

Только демонский восторг
Смех неистовый исторг
С уст, и он вместо ответа
Мне понятно говорит:
«Сам ты звал, за данью верной
Я пришел!..»

Так лицемерный
Демон душу сторожит.
Так он вьется, в час паденья,
Над главой во тьме ночей
И вливает яд волненья
В сердце холодом речей.
Чудны, страшны эти речи!
Часто им внимает ум,
И от каждой новой встречи
Больше в сердце мрачных дум.
Дух коварный искушенья
Ими душу окружит
И мятежное сомненье
В чистом сердце поселит.
Всё, что юношу пленяло
Дивным блеском красоты,
Что неволью увлекало
В область мысли и мечты,-
Осмеет он; и под маской
Долгой опытности свет,
Безобразя черной краской
Зла, страданья, горя, бед,
Назовет темницей душной;
И, ребенок простодушный,
Ты погиб, когда его -
Силой духа своего -
Не отвергнешь!..

1839

Землетрясение

1

Повитый ризою полночного тумана,
Под сладкий говор волн седого океана,
Как путник под напев лесного соловья,
Спит пышный град. Разврата не тая,
Он обнажил поруганное тело,-
Рука страстей над ним отяготела,
И ночи тьма не кроет от очей
Печальных призраков людского заблужденья:
Там сладострастные стоят изображенья,
Нагие прелести вакханок и цирцей.
Что чувствам льстит, а душу унижает,

Там видит взор, и ясно выражает
Картина от очей не скрытой наготы,
Присутствие греха, отсутствие святого,
Господство одного порочного и злого -
Разврата блеклые цветы...

Тихо кладбище,
Мертвых жилище,
Храм Божий тих.
Мук преступленья,
Жажды, презренья -
Говор притих...
Казни позорной
Место вдали,
Заговор черный,
Страсти земли -

Ада созданья,
Помыслы зла,
Злые желанья,
Злые дела,
Тихо, всё тихо,
Молчит.

2

Утопая в неге сладкой,
Беззаботно спит старик,
Дерзкий юноша украдкой
В терем девицы проник;
Жадный к деньгам видит золото,
И во сне его рука
Строит гордые палаты,
Исчисляет груз богатый
Кораблей издалека;
Враг людей, друг черной ночи,
Устремля кровавы очи
В даль, с кинжалом, на коне
Ждет добычи терпеливо.
Все - кто в яве, кто во сне -
Полны суетностью лживой.
И надежды и мечты
Их по-прежнему ласкают,
Ничего не ждут, не знают
Дети зла и суеты.
В море неги сладострастной
Сердце их погребено;
А меж тем земля ужасный
Пир готовит им давно...

Так, в глуби ее таится
Пламя дивное, оно
Скоро вспыхнет, задымится,
Чудной силой зажжено.

Скоро будет пир кровавый
На земле и в облаках;
Пышный, гордый, величавый
Превратится город в прах.
Скоро.. вестницею гнева
Всемогущего Творца,
Скрыла с неба радость-Дева
Прелесть юного лица.
Темно, душно... Встаньте, люди,
Умолите Божий гнев,
Оторвите вы от груди
Юных жен и юных дев;
Позабудьте ложе ночи,
Вы, погрязнувшие в зле,
Возведите к небу очи,
Устремите слух к земле.
Страшно в небе, но страшнее
Под землей, там гром гремит,
Там, как в сердце Прометея,
Пламя бурное кипит.
Пробудитесь! но призыванью
Вы не внемлете; пора!
Нет, отсрочки наказанью
Бог не даст вам до утра...

3

Чу! дрожит земли утроба,
Гул несется из травы;
Гром гремит, как в двери гроба
Череп мертвой головы.
Чу! трепещут кровли башен,
Зазывает темный бор.
Разрушитель и страшен
Бурь подземный разговор...

4

Вновь прогремели сердитые громы,
Эхо глухое далеко летит,
Плещется море, и рушатся дома,
Людям земля приговор говорит.
Слышишь ли, смертный, ты скрежеты ада,
Тяжкие вопли придавленных жертв,
Видишь ли тело погибшего брата? -
Он бездыханен, холоден, мертв.
Слышишь ли грозный ты звон колоколен?
Это не ты их заставил звенеть,
Слабый, унять их ты также не волен,
Покайся! близка твоя смерть...

5

Нет, ужасным сим явленьем
Человек не уstraшен;
Лишь с корыстным сожаленьем
Гибель зданий видит он.
И, рискуя жизнью, страшный,
Будто житель гробовой,
В бой вступает рукопашный
С разъяренною землей:
В сокрушенные палаты
Он стремительно идет
И из них кумир свой, злато,
В поле темное несет...
И везде одна тревога,
Мелкой суетности шум,
И не внемлет гласу Бога
Человека гордый ум.

6

Но грохоты громов подземных сильнее,
А черные тучи на небе мрачнее...
И вот на свободе, как вихорь степной,
Летает, кружится взорвавшийся камень,
Потоками брызжет дробящийся пламень
И в воздухе блещет кровавой зарей;
Оттуда - свершитель небесного мщенья -
На головы грешных он с шумом летит;
Разгульно пирует везде разрушенье,
Ничтожеству всё предает и мертвит...

7

И ужас всех обнял. Всё люди забыли,
Дрожащие руки им страх оковал;
С землею прощались, горько вопили
И мнили: суд Бога последний настал.
И мнили: то было паденье вселенной,
И с трепетом ждали паденья ея,
А громы гремели во мгле потаенной,
Валилися зданья, стонала земля...
Отчаялись люди; настал час смириться!
В их души неволью закралась боязнь;
И поняли люди, что это творится
За их преступленья достойная казнь...

8

И вот перед небом Создателя, в страхе,
Упал непокорный народ, и во прахе
Смирилися гордые дети земли:
И те, что доселе, главою надменной

Безумно отвергнувши Бога вселенной,
На град наказание Его навлекли;
И те, что в пороках одних утопали,
Забыв и молитвы, и совести глас,
Что буйно, безумно грехом торговали
И Бога-творца забывали не раз,-
Пред ним все смирились и песнь о прощеньи
Послали к всеильному Богу-царю.
И вот, милосердный, Он в знак примиренья
Зажег на лазоревом своде зарю.
Заря загорелась, и тучи пропали,
Рассеялась мрачность и тьма в небесах,
Подземные громы греметь перестали;
От града остался лишь пепел да прах.
Но люди о нем не тужили, в священных
Словах благодарности, чистых, живых,
Молитва лилася из душ обновленных,-
Им не было жалко хором дорогих.
Оделся свод неба пурпуром денницы;
Народ всё молился и в страхе твердил:
"О Боже премудрый! Ты благ без границы,
Ты милостью наши грехи победил!.."

1839

Разговор

Тело

Что ты, душа, так ноешь, страдаешь,
Грустишь и плачешь день и ночь,
Чем ты больна, чего ты жаждешь,
Чем я могу тебе помочь?
Твоя печаль непостижима.

Душа

И не поймешь ты никогда,
Чем я, несчастная, томима;
Не по тебе моя беда.
Мои страданья глубоко
Во мне самой заключены,
Они томят меня жестоко,
Моей враждой раздражены.
Не от забот, не от коварства,
Не от измен они и бед,
Но нет конца им, нет лекарства,
Но победить их силы нет.
Унять мучительное горе
Одно, быть может и могло б;

Но далека, как берег моря,
На то надежда...

Тело

Что ж то? гроб?
Зачем такое помышление!
Нет, не согласно я с тобой,
Гроб для меня не утешенье.
Люблю житейское волнение,
И чинный бал, и гул глухой
На беспорядочной пирушке
Люблю повздорить со старушкой,
Я тем живу, в своей я сфере,
И нет достаточных причин
Роптать, теперь по крайней мере,
Себе я добрый господин:
Хваля обычай благородный,
Я каждый день себя кормлю,
Я каждой ночью крепко сплю,
Мои дни мчатся беззаботно,
Я дружно с жизнью живу
И лишь об том немножко плачу,
Что красоту и силу трачу.

Душа

Ты и во сне и наяву
Одни лишь видишь наслажденья,
Тучнеешь ты от пресыщенья,
А мне дает ли пищу тот,
Кто мною дышит и живет?
Бросают псу из сожаленья
Порой оглоданную кость,
А я в презрительном забвенья,
Я - на пиру незванный гость.

Тело

Послушна в дни земного века
Будь мне - и всё поправлю я.

Душа

Нет, над тобою власть моя
Нужна для счастья человека.
Блажен, кто не всего себя
Тебе на рабство, тело, предал,
Кто мне часть жизни заповедал,
Меня питая и любя.
Кто суете себя не продал
За наслажденья и пиры,

Кто, словно рудник, разработал
Мои сокрытые дары.
Но тот несчастен, слаб и низок,
Кто жизнью душу обделил,
Кто дружбы с ней не заключил,
Хоть от рожденья к ней так близок.
Что я тому? излишний дар!
Он из сокровищниц глубоких
Не почерпает дум высоких;
Мой светлый ум, мой чистый жар,
Мой дух бездейственностью губит.
Он не меня, он тело любит,
А мне, забытой и больной,
Назначил он удел ужасный:
Тебе покорствовать всечасно
Или, вступя в неравный бой,
Бесславно падать пред тобой.
Как тяжела такая доля!
Ее мучительно влачить.
О, если б крылья, если б воля,
О, если б цепи сокрушить!

Тело

И вправду, я не понимаю
Твоей мечтательной беды,
Но отчего-то принимаю
В тебе участие. Брось мечты!
Послушай моего совета:
Живи со мною заодно;
По мне - на шумном пире света
Нам много радости дано.
Есть упоенье в сне мятежном,
В похвальных отзывах толпы,
В труде, в недуге неизбежном,
В грозе и милости судьбы;
Есть упоенье в вихре танца,
В игре, обеде и вине,
И в краске робкого румянца
Любимой девы при луне.
На темный жребий свой не сетуй,
Со мной радушно помирись.
На пир за мной охотно следуй,
Моим весельем веселись.
Вкушай земные наслажденья -
И, верь, счастлива будешь ты
Без этой выпренной мечты
О неземном предназначеньи.
Итак, дай руку - мы друзья;
Тебя сегодня же прекрасно
Развеселить надеюсь я...

Душа

Прочь, искуситель! не напрасно
Бессмертьем я освящена.
Одной враждой, враждой ужасной
Тебе до гроба я должна.
Пусть она не переможет,
Но не без боли вкусишь ты
Ее жестокие плоды.
Она во сне тебя встревожит,
Она на пир с тобой придет,
Твое веселье уничтожит,
Грудь плющем горя обовьет.
Ее укоров дикий голос
В тебя вонзится, как стрела,
И на челе поднимет волос,
Напомня грешные дела.
Когда безумством человека
Я ниже тела сочтена,
Когда во дни земного века
Плодов дать миру не должна, -
Хоть неусыпную борьбою
С грехом, владеющим тобою,
Порой от пропасти его
Тебя отторгну я насильно,
И хоть однажды - труп бессильный -
Ты мне уступишь торжество! ..

1839

Гимн

Господь! твори добро народу!
Благослови народный труд,
Упрочь народную свободу,
Упрочь народу правый суд!

Чтобы благие начинанья
Могли свободно возрасти,
Разлей в народе жажду знанья
И к знанью укажи пути!

И от ярма порабощенья
Твоих избранников спаси,
Которым знамя просвещенья,
Господь! ты вверишь на Руси...

Загадка (Сонет)

Непостижною святынею
Перед нами, без речей,
Небо круглою равниною
Блещет в ризе из лучей.

Что же там за далью синею,
Далью, видной для очей,
Где слито оно с пустынею
Днем и в сумраке ночей?

Не понять нам. Чудной тайностью
То для глаз облечено;
И постигнутые крайностью,
Видим только мы одно,
Что мир создан не случайностью,
Есть начальное зерно...

1839

Дума

О чем тоска и сокрушенье,
О чем вседневная печаль,
Роптанья, слезы, сожаленье -
Что тратим мы, чего нам жаль?

Ужель несчастье жизни краткой
Для нас мучительней всего,
А счастье так полно и сладко,
Что стоит плакать без него?...

Пловцов минутных в бурном море
Земное счастье неполно,
И побеждать земное горе
Довольно силы нам дано.

Страданье наше, наша мука,
Когда их сносим мы с мольбой,
За счастье прочное порука
В дому другом, в стране святой;

Не вечен мир, не вечны люди,
Покинем мы минутный дом,
На волю вылетит из груди
Душа эфирным мотыльком, -

И станут перлами все слезы
Сиять в лучах ее венца,
И пусть страданья, мягче розы,
Ей путь устелют в дом отца.

Не часто ль ходим мы с отвагой
По топким тундрам и горам,
Когда хоть мир единый блага
Найти за ними мнится нам?

Зачем же ропот на страданья,
Зачем по мрачному пути
Мятежной жизни без роптанья,
С отвагой той же не идти;

Когда, порою так же трудный,
От бед житейских и забот
Тот путь не к радости минутной,
К блаженству вечному ведет?

1840

Отрывок из поэмы
«Кому на Руси жить хорошо»

Средь мира дольного
Для сердца вольного
Есть два пути.

Взвесь силу гордую,
Взвесь волю твердую,-
Каким идти?

Одна просторная
Дорога - торная,
Страстей раба,

По ней громадная,
К соблазну жадная
Идет толпа.

О жизни искренней,
О цели выпреренней
Там мысль смешна.

Кипит там вечная,
Бесчеловечная
Вражда-война

За блага бренные.
Там души пленные
Полны греха.

На вид блестящая,
Там жизнь мертвящая
К добру глуха.

Другая - тесная
Дорога, честная,
По ней идут

Лишь души сильные,
Любвеобильные,
На бой, на труд.

За обойденного,
За угнетенного -
По их стопам

Иди к униженным,
Иди к обиженным -
Будь первый там!

Зелёный Шум

Идёт-гудёт Зелёный Шум,
Зелёный Шум, весенний шум!

Играючи, расходится
Вдруг ветер верховой:
Качнёт кусты ольховые,
Подымет пыль цветочную,
Как облако, – всё зелено,
И воздух, и вода!

Идёт-гудёт Зелёный Шум,
Зелёный Шум, весенний шум!

Скромна моя хозяйюшка
Наталья Патрикеевна,
Водой не замутит!
Да с ней беда случилась,
Как лето жил я в Питере...
Сама сказала, глупая,
Типун ей на язык!

В избе сам-друг с обманщицей
Зима нас заперла,
В мои глаза суровые

Глядит, — молчит жена.
Молчу... а дума лютая
Покоя не дает:
Убить... так жаль сердечную!
Стерпеть — так силы нет!
А тут зима косматая
Ревёт и день и ночь:
«Убей, убей изменницу!
Злодея изведи!
Не то весь век промаешься,
Ни днем, ни долгой ноченькой
Покоя не найдешь.
В глаза твои бесстыжие
Соседи наплюют!..»
Под песню-вьюгу зимнюю
Окрепла дума лютая —
Припас я вострый нож...
Да вдруг весна подкралась...

Идет-гудёт Зелёный Шум,
Зелёный Шум, весенний шум!

Как молоком облитые,
Стоят сады вишнёвые,
Тихохонько шумят;
Пригреты тёплым солнышком,
Шумят повеселелые
Сосновые леса;
А рядом новой зеленью
Лепечут песню новую
И липа бледнолистая,
И белая берёзонька
С зелёною косой!
Шумит тростинка малая,
Шумит высокий клён...
Шумят они по-новому,
По-новому, весеннему...

Идёт-гудёт Зелёный Шум,
Зелёный Шум, весенний шум!

Слабеет дума лютая,
Нож валится из рук,
И всё мне песня слышится
Одна — в лесу, в лугу:
«Люби, покуда любится,
Терпи, покуда терпится,
Прощай, пока прощается,
И — Бог тебе судья!»

Начало 1863 года

Современная ода

Украшают тебя добродетели,
До которых другим далеко,
И — беру небеса во свидетели —
Уважаю тебя глубоко...

Не обидишь ты даром и гадины,
Ты помочь и злодею готов,
И червонцы твои не украдены
У сирот беззащитных и вдов.

В дружбу к сильному влезть не желаешь ты,
Чтоб успеху делишек помочь,
И без умыслу с ним оставляешь ты
С глазу на глаз красавицу дочь.

Не гнушаешься темной породой:
«Братья нам по Христу мужички!»
И родню свою длиннобородую
Не гоняешь с порога в толчки.

Не спрошу я, откуда явилось,
Что теперь в сундуках твоих есть;
Знаю: с неба к тебе всё свалилось
За твою добродетель и честь!..

Украшают тебя добродетели,
До которых другим далеко,
И — беру небеса во свидетели —
Уважаю тебя глубоко...

1845

Мать

Она была исполнена печали,
И между тем, как шумны и резвы
Три отрока вокруг неё играли,
Её уста задумчиво шептали:
«Несчастные! Зачем родились вы?
Пойдете вы дорогою прямою
И вам судьбы своей не избежать!»
Не омрачай веселья их тоскою,
Не плачь над ними, мученица-мать!
Но говори им с молодости ранней:
Есть времена, есть целые века,
В которые нет ничего желанней,
Прекраснее - тернового венка...

1868